

Владимир Легойда

МОЖЕТ ЛИ ТЕХНОЛОГИЯ БЫТЬ БЕЗНАВСТВЕННОЙ, А РЕЛИГИЯ СТОЯТЬ НА ПУТИ РАЗВИТИЯ НАУКИ? ВЗГЛЯД ЦЕРКВИ!

Есть три основных способа познания мира человеком: наука, религия и искусство. Наука позволяет человеку рационально познавать окружающую среду. Через искусство человек реализует свою потребность художественным способом познать себя, «прожить» разные жизненные ситуации. Религия — тоже способ познания мира, но не посредством изучения физического мира, в котором живет человек. По большому счету в познании законов материального мира религия не очень заинтересована. Но религия — это не вымысел, не уход из реального мира в придуманный художником, а ответ на самый главный и сложный вопрос: что такое смерть?

Человек приходит в этот мир, который не создавал, помимо своей воли, и уходит из него тоже без учета его желания. Если в приходе в этот мир, существовании и уходе есть какой-то смысл, то этот смысл, говорят религии, должен быть внеположен человеку и миру. Человек не может найти ответ на вопрос о природе смерти, изучая окружающую среду посредством науки, потому что наука отвечает на вопросы «как?» и «почему?». Условно говоря, даже если ученые смогут когда-то ответить на вопрос, как на Земле появилась органическая жизнь, они никогда не ответят на вопрос, для чего она появилась? Этот вопрос выходит за пределы компетенции науки. Ученый перестает быть ученым, когда начинает отвечать на вопрос о целеполагании: «для чего?» — не этим вопросом задается ученый. Исследователи отвечают на вопрос «как?», они устанавливают причинно-следственные связи. В мировоззренческом смысле вопросы о целеполагании относятся к религиозному дискурсу, а не к научному. Соответственно, наука, религия и искусство позволяют человеку воспринимать и познавать мир на разных уровнях, а это означает, что между этими тремя сферами нет сущностного конфликта. Между тем стереотип о неизбежном конфликте между религией и наукой давно стал общим местом.

И
И
А
Т
Н
Е
М
К
О

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ОТ КОСМОНАВТОВ. К ИСТОРИИ КОНФЛИКТА НАУКИ И РЕЛИГИИ

Наследие эпохи Просвещения и советской эпохи предлагает упрощенное понимание моделей взаимодействия религии и науки — об этом говорил патриарх

Кирилл, выступая на круглом столе в федеральном ядерном центре в Сарове², где присутствовали ученые из федерального научного центра и из других научных институтов страны. Патриарх выразил обеспокоенность существованием упрощений, направленных как против религии, так и как бы в пользу нее. Таким образом, проблема неверного толкования отношений между наукой и религией не сводится лишь к поиску области их прямого конфликта.

Упрощение, направленное против религии, представляет отношения науки и религии в виде конфликта сути. Такое представление основано на сложившейся в XIX в. точке зрения о том, что религия родилась из страха, который может быть развеян путем обретения знания. Считалось, чем больше человек знает, тем меньше он боится, а значит, религия отомрет за ненужностью. С тех пор человечество узнало многое, а религия не отмерла, потому что вопрос о смерти до сих пор актуален. Это доказывает мысль о том, что наука и религия представляют разные способы познания мира, и конфликта сути между ними быть не может.

Вместе с тем конфликты между наукой и религией или искусством и религией действительно возникают, но они не отражают содержательные противоречия между искусством и наукой, а также религией и наукой. Они являются результатом того, как взаимные отношения этих трех сфер воспринимаются обществом. Наиболее часто конфликт в восприятии возникает в том случае, когда наука соприкасается с моральными измерениями, например, когда результаты научных открытий начинают внедряться в общественную жизнь. Хотя предмет науки и не соотносится с моралью, итоги научной деятельности оцениваются с ее позиций: например, насколько допустимо применять ядерное оружие? Аналогичным образом проявляется конфликт между искусством и религией — в виде реакции общества на художественные произведения.

Упрощение, направленное в пользу религии, — упрощение, свойственное нынешнему времени, — это представление о том, что наука и религия непременно должны дополнять друг друга, поскольку между ними отсутствует конфликт. Такая точка зрения относится и к упрощениям, потому что на одном уровне рассматривает явления, находящиеся в разных эпистемологических плоскостях. Следуя этой логике, в один ряд можно поставить христиан, мусульман, буддистов и физиков, — и все они непременно должны будут взаимодействовать друг с другом. Абсурдность этого примера показывает, что прямого взаимодействия двух разных систем не может быть, как не может быть между ними и конфликта. Патриарх Кирилл, выступая в Сарове, описал это упрощение так: «Если раньше пытались доказать, что Бога нет, так как Его не видели космонавты, теперь, образно говоря, с помощью тех же космонавтов пытаются доказать, что Бог есть»³. Такая методология не имеет отношения к содержанию религии, хотя открытия, определенные развитием науки в XX в., значительно повлияли на развитие богословской и гуманитарной мысли. К таким открытиям можно отнести принцип дополнительности, сформулированный Бором, принцип относительности, теорему Геделя о неполноте. Все эти принципы, открытые физиками и математиками, заставили ученых-гуманитариев, в том числе богословов, переосмыслить ряд общепринятых положений.

Рассмотрев эти два упрощения, можно сказать, что наука и религия, разные инструменты познания мира и человека, дополняют друг друга в представлении человека о мире и делают его картину мира более яркой и объемной. Однако это взаимодополнение происходит не на пересечении пространств науки и религии, потому что наука и религия стремятся ответить на разные вопросы.

НЬЮТОН ПРОТИВ АНТИЧНОГО ГРЕКА — РОЛЬ ХРИСТИАНСТВА В СТАНОВЛЕНИИ НАУКИ

Помимо упомянутых упрощений, восприятию взаимоотношений науки и религии присущ еще один стереотип — идея о том, что наука ответственна за секуляризацию общества, что именно она вытесняет религию на периферию. Этот стереотип относится к наследию эпохи Просвещения. Тогда считалось, что наука — это настоящее понимание мира, а религия — ненастоящее, иллюзорное, и именно поэтому чем больше науки будет в обществе, тем меньше там останется религии.

Вместе с тем христианство внесло значительный вклад в становление науки. Христианство не ставило своей целью создание научной картины мира, но именно благодаря тем мировоззренческим установкам, которые возникли в христианстве, появилась европейская наука в современном понимании. По канонам современности, деятельность ученых в эпохи, предшествующие Новому времени, наукой не является. Почему же считается, что наука возникла не в античной Греции, хотя у греков уже существовала математика?

Серьезным научным поворотом Нового времени стало появление естествознания и объединение физики с математикой. Ньютон создал современную науку, потому что он первым в истории европейской культуры вывел механическую модель мира, то есть физическую модель мира на языке математики. Декарт сравнивал организм с механизмом, говоря, что они работают по схожим признакам — отличие лишь в том, что механизм нужно заводить, а организм самозаведен. Этот серьезный мировоззренческий вывод был недоступен античному греку, поскольку в античной мировоззренческой системе физика и математика — две непересекающиеся плоскости. Античное мировоззрение исходило из языческих установок, в которых не существовало идеи творения, а значит, и идеи замысла — там было четко разведено то, что существует в живой природе, и то, что сотворено человеческими руками, то есть математика и физика мыслились отдельно. Наука смогла прийти к механической модели мира только в XVI–XVII вв., потому что когда-то христианство вывело формулу: «У мира есть творец, а мир есть результат замысла и творения». Через несколько веков эта христианская революция в мировоззрении привела к научному результату.

В обсуждениях взаимоотношений между наукой и религией часто всплывает тема соотношения религии с идеей научного прогресса. С одной стороны, есть представление о неизбежности положительного движения науки. С другой — есть образ ретроградной церкви, которая все время пытается помешать движению научного прогресса. Какова позиция церкви по этому вопросу?

Сама идея прогресса появилась в культуре уже после того, как возникла идея линейности истории — то, что называется *стрелой времени*. Идея *стрелы вре-*

мени сначала утвердилась в древнееврейской традиции, а потом в христианской и исламской культурах. Все эти традиции говорят о том, что у мира есть начало, есть направление движения и, скорее всего, считается в этих религиях, будет конец. Окончание любого процесса указывает на наличие смысла в нем — и в христианстве, и в исламе, в иудаизме есть концепции, которые об этом смысле говорят.

В античный период греки представляли время иначе — скорее, в виде диска, вращающегося вокруг своей оси. Примечательный пример: греки не фиксировали результаты спортсменов на Олимпийских играх — они не видели в этом смысла, потому что в их мировоззрении любое событие повторялось по кругу. Понимание необходимости фиксировать текущий результат для сравнения его с будущим показателем появилось только с приходом к идее о линейности времени. А идея о линейной временной направленности как мировоззренческая категория возникла только с распространением христианства. Иначе говоря, если бы не произошла христианская мировоззренческая революция, в культуре не появилась бы идея прогресса в широком смысле, а значит, и понятие научного прогресса.

МНЕ ВСЕ РАВНО ИЛИ НЕТ? ПОЛЬЗОВАНИЕ–АНОНИМНОСТЬ–ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЕ

Если обращаться непосредственно к вопросу отношения церкви к технологиям, некие опасения в самой церковной среде и вне ее действительно существуют, но они не имеют отношения к самим технологиям. Богословское отношение к тому, что происходит в технологическом мире таково: технологии необходимы для выживания человека. Для христианства водоразделом в истории человечества являются факт грехопадения Адама и Евы и их изгнание из рая. Что это значит, если попытаться перевести эту историю с символического языка священной книги? Высшее творение Господа — человек — первоначально находился с Богом в определенных отношениях, в которых затем произошел катастрофический разрыв. Адам съел запретный плод и спрятался, то есть в отношении Адама с Богом появился страх, которого не было раньше. Изменились также отношения человека с человеком: после грехопадения Адам и Ева начинают стыдиться друг друга, закрываются друг от друга одеждой, хотя раньше, как сказано в Библии, «и были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились» (Быт. 2:25). В условиях Рая, для которых человек был задуман другим, после грехопадения Адам и Ева выжить уже не могли, поэтому Бог спасает их, изгоняя из Эдемского сада. Дальнейшее выживание человека, согласно логике библейского повествования, неизбежно связано, говоря современным языком, с развитием технологий. Поэтому глобальное отношение христианства к любой технологии, вне зависимости от того, колесо это, самолет или социальная сеть, одинаково и не меняется с течением времени.

Это отношение определяется классическим противопоставлением — богословие делит применение технологических инструментов на пользование и злоупотребление. Классический святоотеческий пример говорит, что ножом можно нарезать хлеб, а можно убить человека. Является ли нож сам по себе добром или злом? Не является: моральный результат его применения определяется оппо-

зицей — использованием или злоупотреблением инструмента, который сам по себе нейтрален. Этот богословский принцип универсален — он относится к любому технологическому инструменту.

Справедливости ради стоит упомянуть, что в рамках современного православного богословия существуют и другие точки зрения. В частности греческий митрополит Иоанн Зизиулас говорит о том, что некоторые современные информационно-технологические открытия уже по своей природе ни к чему хорошему приспособлены быть не могут. Можно встретить православных общественников, которые будут говорить про компьютер-зверь, который находится в Брюсселе и может уничтожить все человечество. Однако с классической богословской точки зрения любая технология нейтральна и обретает окраску уже в момент применения.

В рамках дискуссионной площадки межсоборного присутствия Русской Православной Церкви существует задача оформить отношение церкви к информационно-коммуникативным технологиям в форме документа. На повестке дня стоит тема антропологических рисков и опасностей, которые у человека возникают в связи с развитием информационных технологий. По результатам проводимых дискуссий причины антропологических рисков видятся участникам споров не в религиозных вещах, а, например, в возможности поражения человека в правах.

Большинство технологических вопросов, по которым Русская Православная Церковь старается выработать свою позицию, она рассматривает в рамках оппозиции «пользование–злоупотребление». Например, в отношении электронной системы учета и контроля для церкви неважно, по каким причинам гражданин желает остаться с бумажным паспортом, но значимо, чтобы государство гарантировало отсутствие ущемления прав для тех граждан, которые не хотят принимать электронную систему учета.

Вопрос же о нравственной составляющей распространения технологий встает главным образом в связи с виртуализацией. Сама по себе проблема виртуального — виртуальное действие не происходит в полной мере — усугубляется тем, что оно может твориться анонимно. Достоевский в произведении «Сон смешного человека» задавался вопросом: «Мне вдруг представилось одно странное соображение, что если б я жил прежде на Луне или на Марсе и сделал бы там какой-нибудь самый срамный и бесчестный поступок, какой только можно себе представить, и был там за него поруган и обещен так, как только можно ощутить и представить лишь разве иногда во сне, в кошмаре, и если б, очутившись потом на земле, я продолжал бы сохранять сознание о том, что сделал на другой планете, и, кроме того, знал бы, что уже туда ни за что и никогда не возвращусь, то, смотря с Земли на Луну, — было бы мне все равно или нет? Ощущал ли бы я за тот поступок стыд или нет?»⁴. Современный богослов Сергей Карузин предположил, что возможность анонимности в современном интернет-диалоге может быть своего рода предсказанием Достоевского — разница только в том, что сегодня необязательно быть на Луне, чтобы совершить вещественный поступок, авторство которого будет ото всех сокрыто. Анонимность в виртуальном взаимодей-

ствии и является проблемной зоной, которую можно выделить как нравственную проблему в вопросе с информационными технологиями.

Природоподобные технологии и воспроизводство природоподобных вещей с точки зрения Церкви не представляют нравственную проблему. В технологиях, направленных на совершенствование человека, для церкви нет ничего предосудительного до тех пор, пока разговор идет о помощи человеку, когда он, например, потерял руку или органы. Однако современные теории трансгуманизма, говорящие о возможности создания другого человека, претендуют на роль человека как творца. И это не может не беспокоить церковь. 🐼

Примечания

- 1 Комментарий составлен на основе выступления В. Р. Легойды на Международной Школе по проблемам глобальной безопасности 1 октября 2016 г.
- 2 Слово Святейшего Патриарха Кирилла на встрече с учеными в Сарове, 1 августа 2016 г., <http://www.patriarchia.ru/db/text/4579909.html> (последнее посещение — 20 декабря 2016 г.).
- 3 Там же.
- 4 Достоевский Ф. М. Сон смешного человека, цит. по.: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0330.shtml (последнее посещение — 18 декабря 2016 г.).